

Ручка
гор. Берлин, 1923, 3 февраля

Воспоминания С. М. Волконского.

Кн. С. М. Волконский приступил к изданию своих «Воспоминаний». Это обширный труд, рассчитанный на три больших тома. Пока вышло лишь третий (последний) том, в котором автор описывает устанным взором всю свою жизнь, небогатую важными событиями, но полную разнообразных впечатлений и глубоких переживаний. Как видно из многих мест вышедшего тома «Воспоминаний», призвание к жизни «дѣла и дней» своей жизни С. М. Волконский почувствовал уже давно, но он приступил охотнее к работѣ лишь въ 1919 г. въ Москвѣ, подъ тяжкимъ гнетомъ советской дѣятельности. Онъ не отдалъ ни въ этогo апомоготомъ прошлаго; наоборотъ ему ясны тяжкія ошибки прошлаго, не, вспоминая о нихъ, онъ все же съ горечью отмѣчаетъ: «Это — все же была жизнь, а вѣдь кругомъ одно умираніе, надвигающаяся смерть»...

Яркой полосой на вѣсколькo монотонномъ фонѣ «воспоминаній» проходить то время, когда кн. С. М. Волконскій былъ директоромъ императорскихъ театровъ. Это была его единственная дѣятельность, козничная служебно-официальный характеръ. Всю остальную жизнь онъ чувствовалъ себя частнымъ человѣкомъ и отдавалъ свои интересы искусству, литературѣ, путешествіямъ и тихой жизни въ деревнѣ.

Служебная дѣятельность оставила по себѣ у С. М. Волконскаго крайне печальную, даже прямо мучительную воспоминанія, съ которыми онъ видимо не можетъ примириться и теперь, больше, чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ. И это несмотря на то, что съ вѣднѣй стороны постъ его былъ исключительно почетнымъ. Что его сокрушало и удручало, такъ это отравляющая атмосфера мелкихъ интригъ, вѣчныхъ интрижекъ и ссоръ, отъ которыхъ онъ никакъ не могъ ни избавиться, ни отмахнуться. Главной притягой его оторваній была М. Ф. Кшесинская.

Знаменитая балерина чувствовала себя на сценѣ «высвѣтѣнной» особю. Для этого у нея было два повода, во первыхъ близость къ Николаю II до его женитьбы и во вторыхъ установленіемъ поводомъ интимнаго отношенія съ великимъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ. Она очень любила пускаться въ ходъ своихъ высшихъ покровителей и съ помощью ихъ немалюбно добивалась своего.

Домогательства М. Ф. Кшесинской были, впрочемъ, крайне незначительны. Обыкновенно они сводились къ тому, чтобы уловить какую либо соперницу или не дать ей возможности выступить въ томъ или другомъ балетѣ, въ которомъ она выступала сама. Кн. Волконскій приводить на этотъ счетъ нѣсколько любопытнѣйшихъ примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Какъ то, будучи въ театрѣ, Николай II взглянулъ въ репертуаръ Маринскаго театра на слѣдующую недѣлю. Тамъ значился балетъ «Фіаметта». Царь сказалъ, что будетъ очень радъ увидѣть его. Волконскій передалъ объ этомъ артистамъ. Но къ его великому изумленію для черевъ три Николай II пріѣхалъ снова въ театръ, сказалъ ему:

— Ахъ да, Волконскій, я хотѣлъ вамъ сказать... Я знаю, что «Фіаметта» требуетъ много репетицій, теперь масленица, они устали, дайте лучше въ пятницу «Маркитантку».

«Фіаметта» — одноактный балетъ, никакъ не репетицій не требовала. Было ясно, что это только предлогъ. Дѣйствительная же причина была совсѣмъ другая. Кшесинская услышала, какъ Волконскій передавалъ артистамъ на сценѣ слова царя. И такъ какъ въ балетѣ должна была выступить ненавистная ей Трефилова, то она и рѣшила устроить на этотъ разъ соперницу. Догодавшись объ этомъ, Волконскій уже не пробовалъ возражать.

Въ этомъ случаѣ былъ по крайней мѣрѣ благодѣтельный предлогъ. Но бывало и хуже. Въ 1899 г. въ Петербургѣ выступала

драдееская балерина Гримальди. Передъ ая выступленіемъ въ балетѣ «Тщетная предосторожность» Кшесинская явилась къ Волконскому, заявила, что считать этотъ балетъ «своимъ», и потребовала, чтобы Гримальди въ немъ не выступала. Волконскій отказалъ. На другой день великій князь Сергій Михайловичъ вызвалъ его къ себѣ и потребовалъ, чтобы желаніе Кшесинской было исполнено. Волконскій обѣщаетъ обдумать дѣло, но, посоветовавшись съ министромъ двора Фредериксомъ, письменно подтвердилъ свой отказъ. Въ отвѣтъ великій князь прислалъ ему очень недовольное и изумительно безграмотное письмо, заканчивавшееся словами: «А что вы пишете, что отвѣчаете мнѣ по вѣдомъ размышленію, то и я обратился къ вамъ не безъ оного. Оскорбленъ Матильду Фалксону, вы оскорбили и меня». Недѣлю черезъ двѣ изъ Дармштадта, гдѣ былъ тогда Николай II, пришла шифрованная телеграмма съ требованіемъ оставить «Тщетную Предосторожность» въ Кшесинской. Волконскому оставалось лишь подчиниться.

Привлечительно такая же исторія произошла, когда итальянская балерина Леняни пожелала поиграть въ свой бенефисъ «Вальдерку». Кшесинская сейчасъ же заявила, что она желаетъ выступить въ «Вальдеркѣ» сама. Пришлось проинтъ Леняни остановиться на другомъ балетѣ. Выбрали «Капарого», причемъ Волконскій вставилъ въ него отаринный русскій танецъ, который Леняни должна была исполнить въ такомъ же костюмѣ, въ какомъ Екатерина изображена на известной картинѣ на балу, данномъ въ честь императора Юсифа II. Это было на масленицѣ. На пастъ въ томъ же балетѣ должна была выступить Кшесинская. Она заявила, что въ вставномъ номерѣ не желаетъ подѣлать «фигиры». — проволочный карнакъ, который въ XVIII вѣкѣ дамы надевали подъ юбки, чтобы увеличить пышность бедръ. Такъ она и сдѣлала: вышла на сцену безъ фигуры. Волконскій такогo осужденія не стерпѣлъ и оштрафовалъ Кшесинскую, но черезъ два дня штрафъ иришлось съ нея по распоряженію царя

сплатить. Тогда Волконскій рѣшилъ, что пера уйти, если царь не позволитъ кончить интригамъ. Онъ испрошалъ у царя аудиенцію, въ горячей рѣчи изложилъ ему все, что у него наболѣло на сердцѣ и попросилъ его уволить. Царь выслушалъ Волконскаго молча. А когда Волконскій кончилъ, замѣтилъ лишь:

— Да, но какъ же... Васъ очень трудно замѣнить...

Однако и это оказалось возможнымъ. Лѣтомъ Волконскій былъ уволенъ, а на его мѣсто былъ назначенъ... Теляковскій.

Въ теченіе двухъ лѣтъ Волконскій по своей должности директора императорскихъ театровъ былъ обязанъ присутствовать въ царской ложѣ каждый разъ, когда Николай II пріѣзжалъ въ театръ, а это случалось очень часто, по нѣскольку разъ въ недѣлю. Въ разговорѣ Николай II часто озабочивалъ своей простотой и кажущейся доверчивостью, но отъ Волконскаго не укрылось, что «никакой реальности не было въ его благоволеніи». «Онъ вопрошалъ, какъ дѣлы, удостовѣрѣтъ онъ на основаніи своего опыта, а даже тѣмъ легче, чѣмъ при началѣ вѣковъ тогдашней». «Вѣроятно, въ которой изъ утомляющихъ, дѣлаетъ, съ которой онъ соглашался, отказывался, ставилъ людей передъ какими то нелепыми мѣстоми». «По поводу учрежденія папской нунциатуры въ Россіи имѣются три высочайшихъ резолюціи: «Нахожу желательнымъ», «Нахожу преждевременнымъ», «Нахожу нежелательнымъ».

По одному спорному вопросу между Витте и Куропаткинымъ, Куропаткинъ послѣ многихъ колебаній добился изумительной резолюціи Николая II: «Это — мое послѣднее непреклонное желаніе».

Однако, даже эта податливость его была ненадежна. «Когда обстоятельства требовали непопятнаго для него дѣла, — говоритъ кн. Волконскій, — онъ это нечиріятно откладывалъ до самой послѣдней минуты и вѣдь, какъ часто бываетъ съ характерами слабыми, въ одну минуту совершалъ такую операцию, которая отъ болѣе сильнаго человѣка потребовала бы часового разговора».

Въ послѣдній аудіенціи у царя Волконскій покинулъ кабинетъ царя съ своеобразнымъ чувствомъ: «Когда, выходя, я закрывалъ дверь, — рассказываетъ онъ, — я чувствовалъ, что оставляю за собою лютые настроенія, какъ посягъ вырваннаго зуба...»

Такъ закончилось директорство С. М. Волконскаго въ императорскихъ театрахъ.

П. Ш.

Тру. Ручка
Берлин 3-2-23